

Посадники	Князья	Ветвь княжеского рода
Судило Иванкович (1141—1144, 1147— 1156 гг.)	1. Ярослав Мстиславич (осень 1148—26 III 1154)	Мстиславичи
	2. Ростислав Мстиславич (1154 г.)	Смоленская
	3. Давыд Ростиславич (1154/55 г.)	
	4. Мстислав Юрьевич (1155—1157 гг.)	Суздальская
Нежата Твердятич (1144—1146, 1160— 1161 гг.)	1. Святополк Мстиславич (18 IV 1142—осень 1148 г.)	Мстиславичи
	2. Мстислав Ростиславич (21 VI 1160—VII 1161)	Суздальская
	3. Святослав Ростиславич (28 IX 1161—1 IX 1167)	Смоленская

В. М. ПАНЕЯХ

ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИКИ ЧАСТНОГО АКТА В ТРУДАХ С. Н. ВАЛКА

Успехи советской исторической науки в области дипломатики несомненны. Однако обзором А. И. Копанева, пожалуй, и ограничивается историографическое подведение итогов развития советскими учеными этой важной вспомогательной исторической дисциплины.¹ В результате вне поля зрения исследователей оказываются отдельные аспекты дипломатического анализа актов, а достижения ряда специалистов в разработке таких забытых или полузабытых проблем недооцениваются.²

Это всецело, по нашему мнению, относится к трудам С. Н. Валка по истории русского частного акта. Мы имеем в виду не отдельные работы, посвященные дипломатическому анализу какой-либо разновидности актов, например полных грамот,³ или единичных актов,⁴ а всю совокупность тех его трудов, в которых излагаются взгляды на задачи и методы дипломатики и

¹ См.: Копанев А. И. Советская дипломатика. — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968, с. 56—73.

² Поэтому следует поддержать призыв С. О. Шмидта к созданию серьезных трудов по историографии источниковедения (см.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 55).

³ Валк С. П. Грамоты полные. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 113—132.

⁴ См., например: Валк С. Н. Псковская данная (XV в.?). — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 214—217.

исследуется история частного акта в целом. Попытаемся восполнить этот историографический пробел.

Прежде всего С. Н. Валк в ряде работ, в первую очередь в «историографических заметках», написанных в связи с выходом в свет первого тома «Сборника грамот Коллегии экономии», проследил «судьбы частного акта в нашей историографии и археологии» и дал историографическое объяснение того, почему грамоты Коллегии экономии, в которых «частные акты оказались существеннейшим составным элементом», лишь в 90-х годах XIX в. «привлекли к себе господствующее внимание исследователей». ⁵ Следует при этом отметить, что этапы историографии частного акта ставились С. Н. Валком в тесную связь «с общими течениями русской социально-политической мысли». ⁶ Так, «довольно резкий поворот к изучению проблем экономического и социального порядков» и «социологической их трактовке» ⁷ во второй половине XIX в., особенно с 90-х годов, происшедший «сперва под влиянием народничества, а затем под еще более сильным воздействием исторического материализма», ⁸ отражал общую тенденцию к отказу от изучения прошлого исключительно как «государственного прошлого», ⁹ вследствие чего и был осуществлен переход от анализа публично-правовых актов к анализу частных актов. ¹⁰

С. П. Валк показал при этом, что, несмотря на растущий интерес к частным актам, дипломатическое их исследование «в течение десятилетий движется ощутимо путем разработки отдельных приемы материала, оперирования случайными, а не методическими приемами изучения, без сознания преемственности научного труда». ¹¹ Те историки, которые пользовались частными актами, «брали из них... отдельные сведения, не подвергая предварительному изучению сам акт, как исторический источник». «Обильный и богатый материал и научное кустарничество в работе над ним», ¹² — так характеризует С. Н. Валк положение, сложившееся к началу XX в.

⁵ Валк С. Н. Сборник грамот Коллегии экономии (историографические заметки). — Борьба классов, 1924, № 1—2, с. 228.

⁶ Там же, с. 233. Ср.: Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 7—8, с. 33—55.

⁷ Валк С. Н. Сборник грамот Коллегии экономии (историографические заметки), с. 234.

⁸ Валк С. Н. [Рец. на книги:] Сборник грамот Коллегии экономии. Том первый. Грамоты Двинского уезда; Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии. — Века. Исторический сборник. Пгр., 1924, т. I, с. 167.

⁹ Валк С. Н. Сборник грамот Коллегии экономии (историографические заметки), с. 229.

¹⁰ Там же, с. 234.

¹¹ Там же, с. 244.

¹² Валк С. Н. [Рец. на кн.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатии частных актов. Пгр., 1920. — Книга и революция, 1920, № 2, с. 39.

Именно в это время была начата длительная работа по подготовке издания грамот Коллегии экономии. В процессе ее, главным образом усилиями А. С. Лаппо-Данилевского, и создавалась, как считает С. Н. Валк, в русской науке дипломатика частного акта, которая «заняла свое место» «в русской историографии» «как отрасль научно-вспомогательных дисциплин».¹³ Будучи учеником А. С. Лаппо-Данилевского, С. Н. Валк оказался у самых истоков этой области знаний, почти неизвестной русской научно-исторической литературе, в течение многих лет участвуя в работе знаменитого университетского семинария А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике частного акта, из которого вышли, помимо С. Н. Валка, и другие крупные представители нашей науки.

Деятельность этого семинария, в котором его первоначальные участники продолжали сотрудничать и после окончания университета, переросла рамки непосредственно учебные. На его заседаниях под определяющим руководством А. С. Лаппо-Данилевского коллективно разрабатывались многие новые методические приемы изучения частных актов. С. Н. Валк писал впоследствии, что «Очерк русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского «и тесно связан с семинарием... и является отображением общих проблем, волновавших семинарий»,¹⁴ их итогом.¹⁵ В «Воспоминаниях ученика» С. Н. Валк перечислял проблемы, которые являлись предметом изучения и исследования в семинарии А. С. Лаппо-Данилевского. Это и само «понятие частного акта», и «проблема элементов акта — того, что дипломатика знает под названием клаузулы», и переход «от проблемы актовой клаузулы к проблеме актового формуляра», и «изучение разновидностей частного акта».¹⁶

С. Н. Валк высоко ценил вклад А. С. Лаппо-Данилевского в историческую науку, на протяжении всей жизни сохранял благодарную память о своем учителе. Особенно близкими собственным научным интересам С. Н. Валка были труды А. С. Лаппо-Данилевского по дипломатике и археографии. Известно, например, что последней, неоконченной работой С. Н. Валка была статья о А. С. Лаппо-Данилевском как археографе.¹⁷

¹³ Валк С. Н. Сборник грамот Коллегии экономии (историографические заметки), с. 244.

¹⁴ Валк С. Н. [Рец. на кн.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 248.

¹⁵ Там же, с. 245.

¹⁶ Валк С. Н. Воспоминания ученика. — Русский исторический журнал, 1920, кн. 6, с. 190.

¹⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 297 (С. Н. Валк), оп. 1, № 110; см. об этом: Копанев А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка. — Вспомогат. истор. дисциплины, IX. Л., 1978, с. 81—89.

Специально «Очерку русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского С. Н. Валк посвятил две рецензии.¹⁸ Он показал, в чем проявилось новаторство книги не только по сравнению с предшествующим состоянием дипломатики в России, но и с последними для того времени достижениями дипломатистов Франции, являвшейся родоначальницей этой дисциплины, и Германии. Принципиально новым, по мнению С. Н. Валка, был переход в трудах А. С. Лаппо-Данилевского от документального источниковедения частного акта, т. е. изучения акта как источника (бумага, филиграни, почерк, печати, актовый формуляр), к документальному построению частного акта, т. е. анализу акта как исторического явления, связанного с условиями места, времени, уровня культуры. Выдвижение этих новых задач дипломатики А. С. Лаппо-Данилевским С. Н. Валк ставит в один ряд с достижениями А. А. Шахматова в области летописеведения, который от прежней оценки летописей как источника фактических известий перешел к их оценке как памятника общественной мысли и литературно-публицистического творчества, т. е. как явления.¹⁹

Вместе с тем уже во второй по времени рецензии С. П. Валка на «Очерк русской дипломатики частных актов» обнаруживается неудовлетворенность отдельными существенными сторонами книги его учителя, касающимися как общих задач дипломатики частных актов, так и подхода к их изучению. Существенным является и то обстоятельство, что С. Н. Валк предложил свое понимание этих проблем.

Первая проблема, которую затронул С. Н. Валк в связи с критикой построений А. С. Лаппо-Данилевского, относится к актам с осведомительным и актам с удостоверительным характером. Противопоставив эти акты друг другу, А. С. Лаппо-Данилевский избрал тем самым систематический подход к ним и констатировал наличие «точного разграничения этих понятий» на всем протяжении истории частных актов.²⁰ В противоположность такому систематическому подходу С. Н. Валк обосновал плодотворность эволюционного подхода к ним. Он показал, что наличие осведомительных и удостоверительных актов дает основание для изучения именно истории частных актов в целом. Предвосхищая будущую задачу дипломатики, состоящую в изучении ранней эволюции акта, С. Н. Валк выдвинул гипотезу, согласно которой в процессе

¹⁸ Книга и революция, 1920, № 2, с. 39—40; Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 244—258.

¹⁹ Валк С. Н. [Рец. на кн.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 246—247.

²⁰ Там же, с. 249. — По мнению С. Н. Валка, склонность А. С. Лаппо-Данилевского к систематической точке зрения «можно было заранее предположить». Так же поступил он и за 30 лет до этого при написании «Организации прямого обложения...» и имел тогда «своего оппонента в лице П. Н. Милюкова».

исторического развития и в связи с ним происходит выпадение из актов тех элементов, которые могут быть охарактеризованы как осведомительные, и нарастает «процесс кристаллизации замещающих их удостоверительных элементов».²¹

Вторая проблема, по которой выявилось несогласие С. Н. Валка с А. С. Лаппо-Данилевским, касается «разграничения публичных и частных актов». С. Н. Валк отмечает, что и здесь «возможен был выбор принципа разграничения» — «либо юридического, либо собственно дипломатического». А. С. Лаппо-Данилевский пошел по юридическому пути, положив в основу разграничения различия между понятиями о публичном и частном праве. Напротив, по мнению С. Н. Валка, «первенствующее значение в системе дипломатики» при разграничении должны иметь чисто дипломатические критерии. Если задачей дипломатики «является изучение акта как такового, изучение его состава и изучение его эволюции, то факты эти зависят в первую очередь от той среды, где акты возникают и развиваются». Следовательно, основным признаком деления актов на публичные и частные является субъект права, от которого исходил тот или иной акт, а значит и канцелярия, в которой они составлялись. Таким образом, и различать акты становится возможным по их формулярам. Исходя из такого чисто дипломатического критерия, С. Н. Валк относит к «публичным актам те, которые вышли из публичной же канцелярии (княжеской, судебной и т. п.), к частным — все остальные». В качестве примера С. Н. Валк указывает на данные, делящиеся «на две группы», причем «эволюция каждой из них дает свою собственную кривую»: одна группа «вышла из княжеской канцелярии и в связи с этим лишена такого удостоверительного аппарата, как наличие послухов, их рукоприкладства и т. п.», другая же — «нуждается в возможных видах удостоверения». Развитие частного акта при этом «пойдет совсем другими путями, чем публичного, в связи с тем, каковы будут судьбы частной „канцелярии“, хотя бы, напр., в связи с развитием площадного письма». По мнению С. Н. Валка, этой дипломатической точке зрения на разграничение публичных и частных актов «суждено свое будущее в дальнейшем развитии русской дипломатики».²²

Наконец, о третьей проблеме, решение которой в «Очерке русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского вызвало возражения со стороны С. Н. Валка. Как и в приведенных выше случаях, в вопросе о составных частях акта — клаузулах А. С. Лаппо-Данилевский идет, по определению С. Н. Валка, «абстрактно-систематическим путем». С. Н. Валк показывает, что для А. С. Лаппо-Данилевского клаузула является отражением элементов юридической сделки в виде отдельной мысли, имеющей соответствующее синтаксическое выражение (перподы, предложе-

²¹ Там же, с. 250—251.

²² Там же, с. 251—253.

ния и т. п.). При этом понятие клаузулы-мысли ограничивается с той же юридической точки зрения, в результате чего клаузулы подразделяются на юридические и на бытовые, и предпочтение отдается первым, которые в большей мере заслуживают название клаузул. Помимо клаузул-мыслей, А. С. Лаппо-Данилевский выделяет в акте части, не имеющие соответственного юридико-синтаксического выражения, а именно богословие и дата (если она не имеет синтаксической формы предложения), составляющие начальный или конечный протокол. Этот общий состав акта, по мнению С. Н. Валка, имеет «абстрактные, систематического характера предпосылки».

Точка зрения, которой придерживается С. Н. Валк, отличается «от юридико-систематической точки зрения» и сводится к тому, что конечный протокол является одним из элементов удостоверительной части актов, которая состоит из ряда клаузул (подписи контрагентов, послухи, канцелярия, дата), причем дата входит в состав этой части вне зависимости от того, имеет ли она синтаксическую форму мысли или нет. Это ведет к «крушению» «того понимания конечного протокола», которое дано было А. С. Лаппо-Данилевским, и разбивает «систематически-синтаксическое различие клаузуальной и протокольной частей». Таким образом, по мнению С. Н. Валка, «конечный протокол состоит именно из клаузул удостоверительной части, и если акт расчленен, то он расчленен именно на актывый текст и конечный (возможен и начальный) протокол». Считаясь именно «с дипломатической жизнью акта», С. Н. Валк выделяет в нем «две части, в известном отношении друг от друга независимые и вместе с тем каждая в себе самой замкнутые: одна излагает существо правоотношения, другая — его удостоверяет». «Вполне возможно», — писал С. Н. Валк, — что первая часть акта (т. е. сам актывый текст) «может оставаться неизменной», в то время как вторая (т. е. конечный или начальный протокол), «в зависимости от места и времени, будет терпеть изменения». Но вполне возможно, «что и вторая на том же месте в то же время будет оставаться неизменной, в то время как первая, в зависимости от изменившейся сути правоотношения, будет в свою очередь видоизменяться».²³

Как видим, в полемике с А. С. Лаппо-Данилевским С. Н. Валк отстаивал ту точку зрения, которая открывает возможность дипломатическое изучение акта сделать одним из эффективных методов анализа исторической действительности в ее эволюции. В этом отношении он предвосхитил ту конструктивную критику построений А. С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики, которая появилась в исторической литературе значительно позднее.²⁴ И наоборот, другая тенденция нашей историографии, ха-

²³ Там же, с. 255—256.

²⁴ Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, с. 620, 624—626; Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения,

рактизирующаяся односторонне негативной оценкой методических приемов - дипломатики, разработанных А. С. Лаппо-Данилевским,²⁵ во всех отношениях была чужда С. Н. Валку.

Поставив перед дипломатикой задачу воссоздания истории русского частного акта, С. Н. Валк сразу же приступил к исследованию этой проблемы и на протяжении многих лет к ней возвращался.

Прежде всего С. Н. Валк отметил, что частноправовая сделка — явление гораздо более древнее, чем частный акт. Основываясь на довольно глубоко изученном в литературе (в частности, в трудах П. Д. Колмыкова, А. Г. Станиславского, Н. П. Павлова-Сильванского, В. Б. Ельяшевича)²⁶ факте укрепления в «доактовый период» частных сделок посредством символического действия, обрядности, характерными как для русского, так и для западноевропейского права, С. Н. Валк отметил, что символический способ укрепления непосредственно предшествовал появлению акта лишь на севере, а, возможно, и на всей Новгородской земле.²⁷ На территории же удельных княжеств на место этого вида обычного права, в связи с борьбой с языческими символами, вначале встала икона (хождение с иконой), а очень скоро власть князя, которая в доактовом периоде «остаётся подчиненной другому виду того же права» — форме «древнейшего судебного процесса», характеризующегося докладом князю как продолжением процесса, начатого перед судьей. Непосредственно доактовая форма здесь «требовала совершения сделки в присутствии князя либо его агента совместно с мужами, совершения путем наличной в обычном праве говорения».²⁸

Выявив доактовые способы укрепления частноправовых сделок, С. Н. Валк перешел к исследованию первого этапа истории

с. 55—56; Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников. — Там же, с. 104—105; Фарсоби́н В. В. О предмете дипломатики и ее соотношении с источниковедением. — Вопросы истории, 1978, № 1, с. 29—40.

²⁵ Такую односторонность оценки деятельности А. С. Лаппо-Данилевского см.: Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — Вопросы истории, 1949, № 8, с. 30—51. — Впрочем, в настоящее время эта тенденция отчасти преодолевается (см.: Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сборник статей, вып. 1. М., 1973, с. 50—54).

²⁶ Колмыков П. Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839; Станиславский А. Г. Об актах укрепления прав на имущество. Казань, 1842; Павлов-Сильванский П. П. Символизм в древнем русском праве. — В кн.: Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910; Ельяшевич В. Б. Очерк развития форм поземельного оборота в России. — Изв. Санктпетербургск. политехн. инст-та, т. XVII. Отдел наук экон. и юрид., 1912.

²⁷ Валк С. П. [Рец. на кн.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 250—251.

²⁸ Валк С. Н. Грамоты полные, с. 127—128.

частных актов, выделив два характерных для него варианта актов — северный, или новгородский, и удельный, — соответствующих двум типам доактового укрепления сделок. Первый этап явился вместе с тем переходным «от доактового периода к собственно актовому».²⁹ Воссоздание первого этапа стало возможным благодаря привлечению С. Н. Валком для анализа древнейших новгородских, прежде всего северных (двинских), актов, с одной стороны, и с другой — актов, относящихся к удельным княжествам.

Северный акт отражает, как показал С. Н. Валк, один вариант первого этапа истории частного акта, характерный именно для новгородского Севера. Этот акт оказывается удобным для анализа потому, что, «развиваясь долгое время без каких-либо правительственных и сторонне-культурных воздействий, обнаруживает... свои архаические формы, исчезнувшие, а то и не успевшие даже развиться в русском центре».³⁰ Так, в двинских купчих грамотах XV в. С. Н. Валк обращает внимание на устойчивую клаузулу «а землю завел...», являющуюся отражением древней, обычноправовой, доактовой формы укрепления собственности на передаваемый земельный участок и исчезнувшую из акта в XVI в.³¹ Подобно этому в полных грамотах XV в. содержится клаузула о продаже в полницу «одерень». Отметив, что «в наличных текстах наших древних источников терминология, связанная с термином „дерн“, довольно часта»,³² С. Н. Валк доказал его бытование в текстах, относящихся главным образом к Новгородской земле либо в крайнем случае к пограничным с Новгородом местностям (например, к Тверскому княжеству), и датировал его исчезновение из актов концом XV — началом XVI в.³³ Поскольку сделка самопродажи в холопство укреплялась символической обрядностью, связанной с употреблением дерна, постольку включение в раннюю новгородскую полную грамоту клаузулы о продаже в полницу «одерень», равно как и включение в раннюю новгородскую купчую грамоту клаузулы о «заводе» земли, свидетельствует о том, что эти акты относятся к первому, переходному этапу истории частного акта, когда в Новгороде и его северной колонии сделку укрепляло сочетание письменного акта и обряда.³⁴ Рассматривая вслед за текстом раннего новгородского акта удостоверительную часть, С. Н. Валк

²⁹ Там же, с. 122.

³⁰ Валк С. Н. [Рец. на кнпгп:] Сборник грамот Коллегии экономии, т. I. Грамоты Двинского уезда; Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии, с. 168.

³¹ Валк С. Н. Грамоты полные, с. 121—122; ср.: Валк С. Н. [Рец. на кн.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 251.

³² Валк С. Н. Грамоты полные, с. 120.

³³ Там же, с. 121.

³⁴ Там же, с. 122.

отметил, что ее клаузула «и послуши писаны» для акта на первом этапе его эволюции, «когда еще живет... символическая... форма доактового укрепления сделки», означает «удостоверение сделки» (но не акта!), так как пока еще «свидетели должны свидетельствовать именно ее». Сам же акт на новгородском Севере удостоверяется печатью, которой и начинается история удостоверительной части акта.³⁵

Другой вариант первого этапа истории частного акта установлен С. Н. Валком для территории удельных княжеств. В тексте относящихся к ним древнейших актов содержится достаточно устойчивая клаузула о докладе князю или его агенту («Доложа третника Верейского...», «Се бил челом великому князю Василью Ивановичу... а ркучи тако: купил есми...»), которая исчезает из текста актов позднейших, почему и доклад здесь предстает не как позднее явление, связанное с установлением правительственного контроля, а «в более содержательном значении» — как «вымирающая форма» «доактового совершения сделки на удельной территории».³⁶ Следовательно, и удельный вариант первого этапа истории частного акта, подобно северному и новгородскому варианту, носит, по определению С. Н. Валка, переходный характер, поскольку сделку укрепляет сочетание письменного акта и доактовой формы укрепления сделки в виде доклада.³⁷ Как и в северном (новгородском) акте, в удостоверительной части удельного акта обнаруживаются С. Н. Валком признаки его переходного характера. Это выражается в том, что присутствовавшие на докладе (никак терминологически не обозначенные) или послухи (если клаузула о их наличии включалась в акт) удостоверяли саму сделку, но не акт, а акт удостоверялся только печатью.³⁸

Таким образом, первый этап истории акта в новгородском (северном) и удельном его вариантах, по определению С. Н. Валка, носил характер переходного от «доактового периода к собственно актовому» в силу наличия в его составе «указаний на одновременное с совершением акта обычноправовое доактовое действо-

³⁵ Там же, с. 123—124.

³⁶ Там же, с. 125, 127. — Этот вывод С. Н. Валка о характере доклада в древнейших актах никогда и ни у кого не вызывал возражений. Однако и теперь иногда он предается забвению. Так, например, А. П. Пропштейн докладными холопыми грамотами называет те утвержденные представителями правительства акты, которые оформляли «продажу юридически свободных людей в полное холопство», в отличие от полных грамот, оформлявших поступление людей в полное холопство (Пропштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971, с. 52).

³⁷ Валк С. Н. Грамоты полные, с. 124—129. — С. Н. Валк отмечает, впрочем, что «не все виды актов пережили такой момент своей истории: не докладывались, а являлись духовные и данные грамоты (там же, с. 128).

³⁸ Там же, с. 128—129.

вание» (символическая обрядность в одних случаях, древний доклад — в других) и укрепления сделки не только и не в первую очередь актом, а сочетанием акта и этих доактовых обычноправовых действий.³⁹ Следовательно, общее значение акта на первом его этапе состояло главным образом не в том, чтобы удостоверить сделку, а в том, чтобы служить памятью о тех действиях, которые удостоверили сделку.⁴⁰ Различия же в формах древнейшего акта на Севере и в удельной Руси объясняются различиями в доактовых формах сделки на этих территориях.⁴¹

Исследовав первый этап истории русского акта, С. Н. Валк перешел к изучению второго ее этапа, начало которого примерно датируется рубежом XV—XVI вв. Прежде всего он отметил отсутствие на этом этапе в частных актах «элементов доактового укрепления сделки»,⁴² исчезнувших «именно потому, что акт стал так укреплять сделку, что, вполне удостоверяя ее совершение, он делал излишним какие бы то ни было другие формы ее укрепления, в частности те доактовые, которые он собою вытеснил».⁴³ С этим С. Н. Валк связывает и то обстоятельство, что «удоверительный аппарат» акта «получил теперь исключительное значение», поскольку «только он один, доказывая подлинность акта, тем самым доказывал действительность совершившегося правоотношения».⁴⁴ В связи с выпадением из акта клаузул о доактовых формах укрепления сделки стало незачем их удостоверить, почему «те лица, которые когда-то (на первом этапе, — *В. П.*) выступали в роли свидетелей о совершившейся сделке, теперь (на втором этапе, — *В. П.*) будут замещены свидетелями о совершенном акте, т. е. еще одним моментом удостоверения акта» (кроме печати), а сам акт из трехчастного (текст, удостоверение сделки и удостоверение акта) становится двухчастным (текст, удоверительная часть акта).⁴⁵ Впрочем, послухи, удостоверявшие акт, по наблюдениям С. Н. Валка, были «налицо отнюдь не во всех актах» (например, в некоторых полных), потому что «акт, имевший правительственную печать и писанный в правительственной канцелярии, вовсе не нуждался в других условиях доказательства своей подлинности». И это являлось отражением колебаний некоторых разновидностей позднейшего акта «между формами частного и публичного акта».⁴⁶

³⁹ Там же, с. 122.

⁴⁰ Валк С. Н. [Рец. на кн.:] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 250—251.

⁴¹ Валк С. Н. Грамоты полные, с. 129.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 122.

⁴⁴ Там же, с. 129.

⁴⁵ Там же, с. 131.

⁴⁶ Там же, с. 131—132.

В целом же второй (поздний) этап истории акта характеризуется его исключительным господством,⁴⁷ а вся эволюция русского частного акта предстает в интерпретации С. Н. Валка как процесс исчезновения из него элементов доактовых форм укрепления сделок и усиления удостоверительной части акта.

С. Н. Валк не только дал общий набросок эволюции русского частного акта, но и предпринял попытку определить время его появления. Для этого С. Н. Валк произвел анализ наиболее ранних из сохранившихся актов и пришел к выводу, что в эпоху «Русской Правды» «нет частного акта для укрепления какой бы то ни было сделки»,⁴⁸ относимые прежде к XII в. данная (купчая) и духовная Антония Римлянина, вкладная (данная) Варлаама Хутынского и данная Ивана Фомина сына священнику Лазарю, включенная в завещание последнего, являются подделками и должны быть датированы более поздним временем (конец XIV—XVII в.),⁴⁹ как и данная XIII в. Марины Суздальскому Васильевскому монастырю.⁵⁰ Подлинными же актами XIII в. С. Н. Валк признает лишь духовную новгородца Климента и так называемую рядную Тешаты и Якима.⁵¹ Таким образом, от XIII в., по мнению С. Н. Валка, «остались два подлинных акта», относящихся к Пскову (либо Полоцку) и Новгороду, т. е. «к тем двум центрам, развитие которых в эти века шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной России», а «на территории удельных княжений» для XIII в. «остаётся неизвестен ни один частный акт».⁵² Для XIV в. С. Н. Валк признал подложными мировую шунгских смердов и данную Саввы Дмитриевича Сюзева Благовещенскому монастырю и пришел к выводу, что от второй половины XIV в. «имеем... немногие акты», и «именно эта эпоха была временем появления здесь частного акта».⁵³

Однако представляют интерес не только выводы С. Н. Валка о подложности ряда частных актов, но и примененная им методика их исследования. Так, изучая вкладную (данную) Варлаама Хутынского, С. Н. Валк обратил внимание на ряд палеографических и дипломатических признаков, вынуждающих датировать ее более поздним временем. В частности, он указал на то, что «нижний неиспользованный край варлаамовой грамоты равен более четверти ее высоты», тогда как, за «единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты первостепенной госу-

⁴⁷ Там же, с. 122; Валк С. Н. [Рец. на кн.:] А. С. Лапко-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. — Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 250.

⁴⁸ Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 295.

⁴⁹ Там же, с. 295—306.

⁵⁰ Там же, с. 307—308.

⁵¹ Там же, с. 308—310.

⁵² Там же, с. 310.

⁵³ Там же, с. 314—316.

дарственной важности, не имеют полей». То обстоятельство, что «весь акт написан в третьем лице» при наличии в конце его так наз. *conrogatio* и санкции, свидетельствует, по мнению С. Н. Валка, о формуляре, сходном «с тем, который характеризует новгородские позднейшие частные акты XV в.».⁵⁴

При исследовании мировой шунгских смердов С. Н. Валк отметил, что «акт датирован, притом не только годом, как то встречается в частных актах в конце XV в., но и месяцем, и числом». Кроме того, «акт имеет рукоприкладства... , чего нельзя найти в актах ранее XVI в.». Наконец, акт назван «записью» — «термином, вошедшим в употребление только в XVI в.». Именно поэтому С. Н. Валк пришел к выводу, что мировая шунгских смердов «носит признаки актов XVI—XVII вв.».⁵⁵

Рассматривая данную Саввы Дмитриевича Сюзева Благовещенскому монастырю, С. Н. Валк придал первостепенное значение дате, проставленной в ней. Уже одно это обстоятельство «относит нас, по крайней мере, к концу XV в., а датировка, поставленная в начало акта, — явление еще более позднее». К тому же формула «божией милостью», оказавшаяся в этом акте, «в частных актах неупотребительна».⁵⁶

С решительными возражениями С. Н. Валку по вопросу о времени возникновения русских частных актов выступил, как известно, М. Н. Тихомиров, который, посвятив проблеме датировки вкладной (данной) Варлаама Хутынского, данной (купчей) и духовной Антония Римлянина, данной Марины специальную статью,⁵⁷ настаивал на их подлинности и утверждал, что «Древняя Русь была не бесписьменной страной и знала публичные и частные акты уже в XII в., а вероятно, и ранее — в XI столетии, что вполне совпадает с нашими представлениями о высоте русской культуры в киевское время».⁵⁸ Мнение о существовании древнейших новгородских частных актов уже в XII в. поддержал, основываясь на обилии сохранившихся актов печатей, В. Л. Янин.⁵⁹ Он же привел аргументацию в пользу отнесения

⁵⁴ Там же, с. 305.

⁵⁵ Там же, с. 314.

⁵⁶ Там же, с. 315.

⁵⁷ Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. — Истор. зап., 1945, т. 17, с. 225—244.

⁵⁸ Там же, с. 244.

⁵⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. Печати X—начала XIII в. М., 1970, с. 157. Здесь и в других работах (Янин В. Л. 1) Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата. — Вестн. Московск. ун-та, серия IX, история, 1966, № 3, с. 71; 2) Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 43) В. Л. Янин ошибочно указывает на то, что С. Н. Валк датирует появление частных актов на Руси серединой XIV в. Однако, как было отмечено выше, это относится лишь к удельным княжествам, а в Новгороде и Пскове (возможно, в Полоцке) частный акт, по мнению С. Н. Валка, появился еще в XIII в.

духовной Антония Римлянина к XII в. (до 1131 г.).⁶⁰ С точки зрения Ю. Г. Алексеева, М. Н. Тихомирову удалось доказать «древность (если не подлинность)» вкладной (данной) Варлаама Хутынского.⁶¹ Специально анализу этого акта посвятил работу В. Ф. Андреев, считающий, что нет «ни одного доказательства подложности» грамоты.⁶² А. И. Копанев констатировал, что поставленные под сомнение С. Н. Валком ранние акты «в разных исторических работах фигурируют как подлинные».⁶³

Можно ли, однако, на этом основании признать мнение С. Н. Валка о времени возникновения частных актов на Руси ошибочным, а вопрос о подлинности древнейших актов окончательно решенным положительно? М. Н. Тихомиров придерживался именно такой точки зрения. Так, например, в учебном пособии по источниковедению истории СССР он писал, что полемику по вопросу о подлинности древнейших частных актов «можно считать разрешенной», поскольку «Древняя Русь имела довольно распространенную актовую письменность, как это доказали находки берестяных грамот в Новгороде».⁶⁴ В другой работе включение С. Н. Валком в издание новгородских и псковских грамот данной (купчей) Антония Римлянина и вкладной (данной) Варлаама Хутынского М. Н. Тихомиров трактовал как вынужденное и произведенное «под напором доказательств».⁶⁵ На тех же, очевидно, основаниях базируется странное утверждение составителей сборника М. Н. Тихомирова «Древняя Русь» о том, что С. Н. Валк «пересмотрел свои взгляды по данному вопросу».⁶⁶

Однако с такой оценкой состояния проблемы, по нашему мнению, согласиться не представляется возможным. Прежде всего отметим, что сам С. Н. Валк никогда — ни устно, ни письменно — не давал повода даже для предположений о пересмотре им взгляда на древнейшие частные акты как на подложные. Отмеченное М. Н. Тихомировым включение в издание грамот Новгорода и Пскова, вышедшее под редакцией С. Н. Валка, актов, признанных С. Н. Валком подложными, было естественным следствием оценки данной проблемы как спорной. О том же свидетельствуют содержащиеся в археографических легендах к ним ссылки на обе ра-

⁶⁰ Янин В. Л. 1) Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата, с. 74—77; 2) Очерки комплексного источниковедения, с. 48—51.

⁶¹ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты). — Вспомогат. истор. дисциплины, VI, Л., 1974, с. 127.

⁶² Андреев В. Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынского. — В кн.: Проблемы отечественной истории. Сборник статей аспирантов и соискателей, ч. II. М.—Л., 1976, с. 135—153.

⁶³ Копанев А. И. Советская дипломатика, с. 69.

⁶⁴ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, с. 400.

⁶⁵ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 42.

⁶⁶ Комментарии. — В кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975, с. 442.

боты — как С. Н. Валка, так и М. Н. Тихомирова.⁶⁷ Совершенно очевидно, что если бы С. Н. Валк действительно пересмотрел свои взгляды, в сборнике не содержалось бы ссылок на эту его работу.

Что же касается мнения М. Н. Тихомирова об окончательности предложенного им решения проблемы, то и оно представляется сомнительным. Так, В. Л. Янин, в принципе поддержавший мнение М. Н. Тихомирова о времени возникновения частных актов, все же пришел к выводу, что аргументация М. Н. Тихомирова полностью не опровергает построения С. Н. Валка,⁶⁸ а приписываемая прежде Антонию Римлянину данная (купчая), дошедшая в списке XVI в., никакого отношения к нему не имеет и должна быть датирована не XII в., а 1354—1357 гг.⁶⁹ Ю. Г. Алексеев приводит ряд соображений, которые безусловно «усиливают скептицизм, проявленный... С. Н. Валком» по отношению к этому акту. По его мнению, о «„подлинности“ акта, конечно, не может быть и речи — спор может идти только о степени достоверности сообщаемых сведений», которая «относительно контрагентов сделки и формы ее, судя по всему, небольшая».⁷⁰ В. Ф. Андреев, хотя и признает данную Варлаама Хутынского подлинной, отмечает в некоторых случаях ошибочность аргументации М. Н. Тихомирова.⁷¹ Аргументация В. Л. Янина, приведшая его к выводу о правоте М. Н. Тихомирова в дискуссии с С. Н. Валком по вопросу о времени возникновения древнерусского акта, была оспорена С. М. Каштановым, которому этот вывод представляется преждевременным, помимо всего прочего, ввиду сомнительности самой презумпции, «будто частные акты XI—XII вв. утверждались печатями тех или иных „государственных институтов“». По мнению С. М. Каштанова, большое количество печатей, сохранившихся в Новгороде, может объясняться тем, что их привешивали к документам типа писем, а также к таким документам государственного происхождения, какими являлись «судебные постановления по различным имущественным тяжбам».⁷² Наконец, обращение к новгородским берестяным грамотам не имеет в данной связи доказательной силы, поскольку, вопреки утверждению М. Н. Тихомирова, исследовав-

⁶⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подготовили к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская. Под редакцией С. Н. Валка. М.—Л., 1949, с. 159, 161.

⁶⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 43.

⁶⁹ Янин В. Л. 1) Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата, с. 77—80; 2) Очерки комплексного источниковедения, с. 51—58.

⁷⁰ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси, с. 127. — К сожалению, Ю. Г. Алексеевым не была учтена датировка так называемой данной (купчей) Антония Римлянина, обоснованная В. Л. Яниным в специально посвященной этому статье.

⁷¹ Андреев В. Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынского, с. 137, 140—141, 142, 144.

⁷² Каштанов С. М. Древнерусские печати (размышления по поводу книги В. Л. Янина). — История СССР, 1974, № 3, с. 182—183.

ший их Л. В. Черепнин не упоминает частных актов, датированных ранее XIII в.,⁷³ на что в полемике с В. Л. Яниным указал С. М. Каштанов.⁷⁴

Приведенные сведения дают, с нашей точки зрения, более объективное представление о современном состоянии вопроса датировки заподозренных С. Н. Валком в подложности нескольких частных актов. Совершенно очевидно, что проблема остается спорной и нуждается в дальнейшем исследовании. При этом необходимо учитывать, что у С. Н. Валка она решается не изолированно, а как часть предложенной им схемы эволюции русского частного акта. Сторонники точки зрения М. Н. Тихомирова не могут ограничиваться одной лишь констатацией факта происхождения русского частного акта в XI или в XII в. Перед ними встает задача предложить решение, которое согласовалось бы с никем пока не оспоренным общим построением С. Н. Валка, и объяснить причины такой продолжительности переходного периода в истории акта, являющегося ее первым этапом (XI—XV вв.), показать бытование именно до XI в. тех конкретных форм доактового укрепления сделок («завод» земли, процедура с дерном, доклад князю или его агенту и т. д.), существование которых вряд ли вызывает сомнение, обосновать возможность в короткий период с момента крещения Руси до возникновения частных актов в XI в. последовательной смены этих форм от языческих символов через хождение с иконой к докладу князю, согласовать, наконец, динамику этого короткого доактового периода со статикой продолжительного переходного периода в истории акта. Если же эта задача решена не будет, то приурочивание первых частных актов к XI в. должно сопровождаться разработкой другой (отличной от предложенной С. Н. Валком) схемы эволюции древнерусского акта.⁷⁵

Пока же схема С. Н. Валка остается единственной в нашей науке. Следует, однако, учитывать, что С. Н. Валк не завершил работу над историей русского акта. В статье о начальной истории древнерусского частного акта он дважды ссылался на следу-

⁷³ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

⁷⁴ Каштанов С. М. Древнерусские печати, с. 182.

⁷⁵ Попытка М. Б. Свердлова решить проблему древнерусского акта (Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 50—69) исходя из признания принципиальной одпотипности совершения сделки в устной форме и посредством оформления акта, приведшая автора к выводу о второстепенности задачи определения времени возникновения частного акта, даже если признать ее удачной (хотя нам аргументация М. Б. Свердлова не представляется убедительной), не ставит под сомнение выдвинутые С. Н. Валком идеи. Кроме того, как бы ни оценивать задачу установления времени появления частного акта, решать ее необходимо, а М. Б. Свердлов этому вопросу внимания не уделяет. К сожалению, и в его статье не учтена датировка так называемой данной (купчей) Антония Рямлянина, обоснованная В. Л. Яниным.

ющие главы своей работы, где предполагал рассмотреть зафиксированный в актах способ передачи земли путем «завода»,⁷⁶ проанализировать Псковскую и Новгородскую судные грамоты.⁷⁷ Здесь же С. Н. Валк писал, что предпримет попытку «установить ранние типы частного акта, а также те условия, которые повели к его внедрению в социальные отношения феодальной Руси».⁷⁸ Известно и о его намерении подвергнуть специальному анализу двинские акты. Все эти планы остались, к сожалению, неосуществленными.

Безусловно, работа над воссозданием истории русского частного акта может и должна быть продолжена. Издание основного корпуса актов до начала XVI в. и продолжение публикации актов XVI в. дают широкие возможности для этого. В процессе дальнейших исследований различных видов актов некоторые выводы С. Н. Валка, по-видимому, подвергнутся коррективам, уточнятся хронологические рубежи этапов их истории, в большей степени могут быть детализированы топологические различия. Однако созданный С. Н. Валком эскиз истории русского частного акта, обоснованный им теоретически и подкрепленный дипломатическим анализом ряда разновидностей частных актов, по нашему мнению, в основном верен.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СПИСКАМИ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

Как известно, Псковская Судная грамота (далее ПСГ) сохранилась в двух списках — Воронцовском (в составе статей 1—120 по принятому в настоящее время делению)¹ и Синодальном (в составе статей 109—120 по этому же делению).² Первым в научный оборот был введен Синодальный список: его текст был приведен Н. М. Карамзиным (за исключением ст. 113),³ а затем опубликован в составе Актов Археографической экспедиции под названием «Запись Новгородская о церковном суде».⁴ Воронцовский список был опубликован в 1847 г. профессором Рихельев-

⁷⁶ Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта, с. 309.

⁷⁷ Там же, с. 310.

⁷⁸ Там же, с. 317.

¹ БАН, 34.2.31, л. 56—72 об.

² ГИМ, Синодальное собрание, № 645, л. 3—4.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. V. СПб., б. г., прим. 404, с. 578—579.

⁴ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 103.